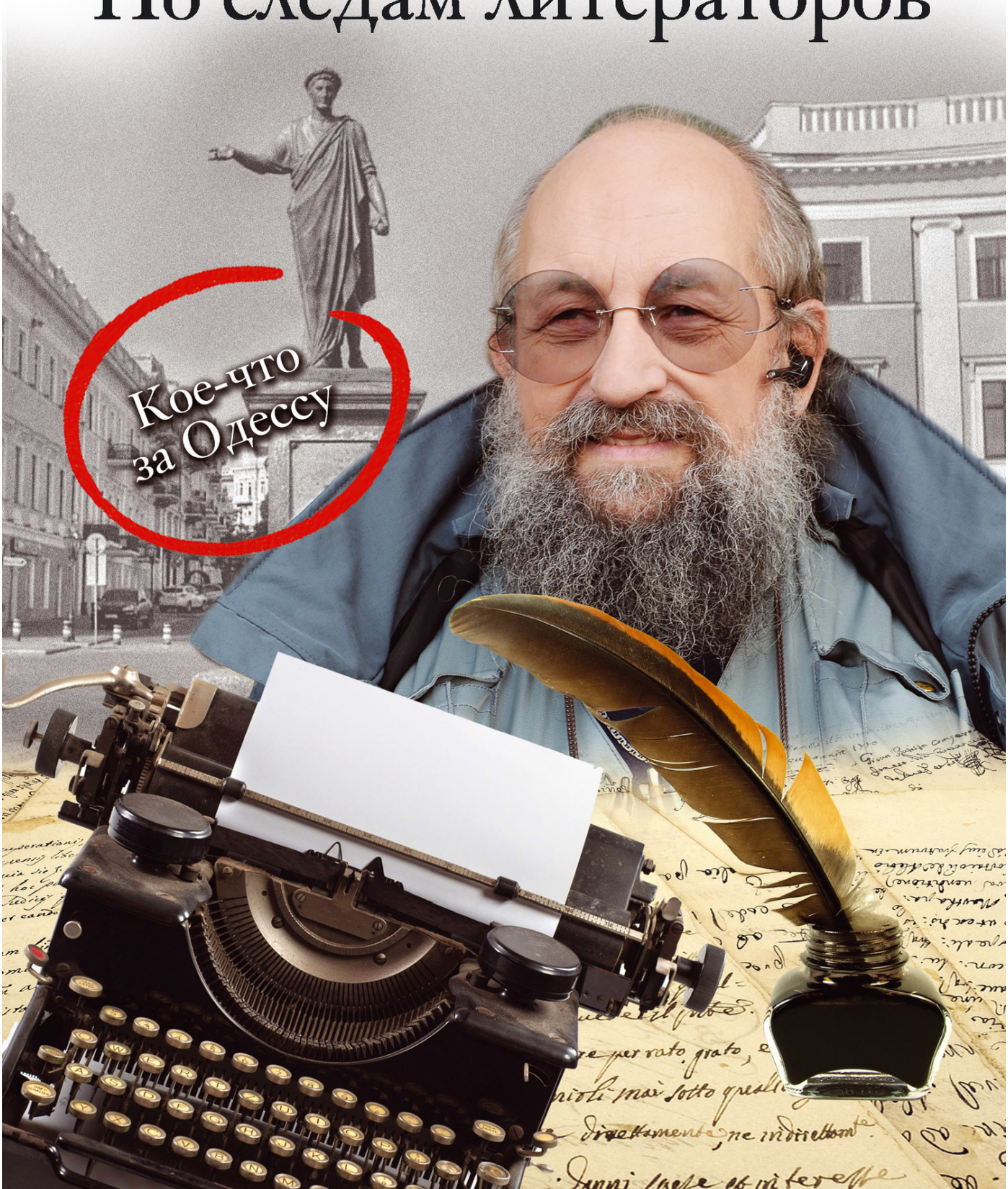
В. ВАССЕРМАН
А. ВАССЕРМАН

Вассер-мания

По следам литераторов



Вассермания

Анатолий Вассерман

По следам литераторов. Кое-что за Одессу

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1.09+913(477-25)
ББК 83.3(2Рос=Рус)+26.89(4Укр-2Одесса)

Вассерман А. А.

По следам литераторов. Кое-что за Одессу / А. А. Вассерман — «Издательство АСТ», 2018 — (Вассермания)

ISBN 978-5-17-106691-8

Особая творческая атмосфера – та черта, без которой невозможно представить удивительный город Одессу. Этот город оставляет свой неповторимый отпечаток и на тех, кто тут родился, и на тех, кто провёл здесь лишь пару месяцев, а оставил след на столетия. Одесского обаяния хватит на преодоление любых исторических превратностей.Перед вами, дорогой читатель, книга, рассказывающая удивительную историю о талантливых людях, попавших под влияние Одессы – этой «Жемчужины-у-Моря». Среди этих счастливчиков Пушкин и Гоголь, Бунин и Бабель, Корней Чуковский – разные и невероятно талантливые писатели дышали морским воздухом, любили, творили. И во многих наших любимых произведениях есть маленькая частичка Одессы, к которой мы и предлагаем вам прикоснуться.

УДК 821.161.1.09+913(477-25)
ББК 83.3(2Рос=Рус)+26.89(4Укр-2Одесса)

ISBN 978-5-17-106691-8

© Вассерман А. А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Предисловие 6
Часть 1 8
Глава 1 9
Глава 2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Вассерман Владимир Александрович, Вассерман Анатолий Александрович
По следам литераторов
Кое-что за Одессу

Фото для книги сделаны Ксенией Вассерман

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Дорогому отцу
Александру Анатольевичу —
вдохновителю наших книг —
с любовью и благодарностью

Предисловие

Блистательный Дмитрий Львович Быков в лекции «Ильф и Петров. Тайна третьего романа»[1] заметил: «главный русский жанр – даже не роман, а трилогия». Для подтверждения тезиса Быкову тут же пришлось пояснить, что в четырёхтомных романах «Жизнь Клима Самгина» и «Тихий Дон» просто «непомерно раздутый второй том» (то есть, насколько мы понимаем, он имел в виду, что такой «раздутый второй том» Горький и Шолохов формально разделили на два). Не сомневаемся, что так же талантливо Быков превратил бы в трилогию ещё одну тетралогию (кстати, «чисто одесскую») – «Волны Чёрного моря» Валентина Петровича Катаева. Например, можно назвать повесть «Зимний ветер» – самое маленькое по объёму произведение цикла – интерлюдией[2].

По мнению Быкова, причина любви к трилогиям – глубокое укоренение в России гегелевской[3] триады: «Тезис» – «Антитезис» – «Синтез». Можно обсуждать, так ли это, но авторы уже двух книг цикла «Кое-что за Одессу» – «Прогулки по городу с харизмой»[4] и «Прогулки по умным местам»[5] – получили литературоведческое обоснование написать третью книгу о родном городе и тем самым выполнить работу в рамках главного жанра нашей литературы.

Чтобы так же вольно, как в предыдущих книгах, прогуливаться по городу, нужно для стержня наших очередных экскурсий по Одессе выбрать столь же синтетическую тему, позволяющую охватить множество сторон единой жизни. Перефразируя известную строчку песни[6] из репертуара Аркадия Северного, мы можем сказать: «Вы хочете темы? Их есть у меня!» Поскольку вторая строка: «В прекрасной Одессе гитары звенят», несложно пройтись по «Одессе музыкальной». А можно по «Одессе кинематографической» либо «Одессе медицинской». Полагаем, каждая из этих тем позволяет легко составить увлекательный маршрут по улицам родного для нас города. Но поскольку мы оба (и, вероятно, большинство наших читателей) гораздо больше читаем, чем слушаем музыку, смотрим кино или (дай бог и дальше так) болеем, мы решили провести наши новые экскурсии по «Одессе литературной».

Сразу скажем, что эта тема «перепета не раз и не пять»: существует масса материала, включая замечательную книгу нашего земляка Ростислава Александрова – Александра Юльевича Розенбойма – «Прогулки по литературной Одессе»[7]. Но нельзя отказать себе в желании ещё раз пройтись по улицам, вспоминая писателей, поэтов, журналистов, родившихся в Одессе и «вовремя из неё уехавших», благодаря чему они состоялись в общероссийском масштабе, а также о тех литераторах, чьё пребывание в Одессе отразилось на их судьбе и творчестве.

---

[1] https://litres.ru/dmitriy-bykov/lekciya-ilf-i-petrov-tayna-tretego-romana

[2] Аналогично «Последнему лету Форсайта» и «Пробуждению» в «Саге о Форсайтах» Джона Джоновича Голсуорси.

[3] На самом деле основные законы и понятия диалектики установлены ещё античными философами. Но нам этот метод рассуждения известен прежде всего благодаря тому, что Карл Хайнрихович Маркс учился философии у учеников Георга Вильхельма Фридриха Георг-Людвиговича Хегеля.

[4] Кое-что за Одессу. Прогулки по городу с харизмой. М.: АСТ, 2013. В дальнейшем упоминается как Книга 1.

[5] Кое-что за Одессу. Прогулки по умным местам. М.: АСТ, 2016. В дальнейшем упоминается как Книга 2.

[6] http://a-pesni.org/dvor/vyhotchetepesen.php

[7] https://livelib.ru/book/1000560087-progulki-po-literaturnoj-odesse-rostislav-aleksandrov

Как следует из топонимического справочника Якова Яковлевича Майстрового «История Одессы в названиях улиц»[8], в честь литераторов в нашем городе названы (либо были названы, но потом переименованы) 72 улицы и переулка. Более того, в Одессе есть Литературная улица и был Писательский переулок. Одно это доказывает неисчерпаемость выбранной темы. Поэтому велика опасность превращения книги о мастерах пера в телефонный справочник[9].

Во избежание этого, как и в ходе предыдущих прогулок, мы будем вольно обращаться с материалом: отвлекаться, перескакивать с сюжета на сюжет, детально останавливаться на том, что интересно лично нам, и игнорировать то, что нам не интересно. Как говорил Анатолий во многих интервью: «Я всегда занимаюсь только тем, что интересно лично мне, но всегда находятся люди, готовые заплатить за результаты моих занятий».

Так что перед Вами, дорогой читатель, очередная вариация на тему «литературная Одесса». Этакий, как сказали бы музыканты, «джазовый стандарт» в нашей субъективной интерпретации. Надеемся, что наше исполнение будет в чём-то свежим и небезынтересным.

[8] http://plaskepress.com/books/29

[9] А заодно – и в справочник архитектурный. О многих зданиях исторического центра Одессы можно рассказать едва ли не больше, чем об их обитателях. От части таких рассказов мы не смогли удержаться. Если же какой-то дом в книге не описан, о нём чаще всего можно узнать на сайте http://archodessa.com/

Часть 1

Глава 1
ОдЕссея Гоголя

Мы начинаем прогулку от моря. Нет – поскольку мы гуляем с друзьями, а друзьям нужно говорить правду, будем честны: литературную экскурсию по Одессе начинать с моря нельзя.

Слова песни «Кудой в Одессе не пойдёшь, тудою выйдешь прямо к морю» – один из мифов нашего города. И слова из миниатюры Михаила Эммануиловича[10] Жванецкого: «Мы пойдём по Пушкинской к морю!»[11] – тоже. На этом мифе Одесса стоит так же твёрдо и надёжно, как и на знаменитых катакомбах.

Как-то приезжий спросил нас, как пройти на набережную, и сразу показал, что Одессу не знает совсем. У нас есть набережная Ланжерон – она появилась на одноимённом пляже примерно через 225 лет после основания города. Есть аналогичная набережная на пляже Золотой Берег примерно в 10 километрах от центра. Набережных в стиле Ялты, Сочи либо Ниццы в Одессе нет – и не будет. Береговая линия в исторической части города занята портом. Направо и налево от него примерно на 15–20 км почти непрерывной полосой идут прекрасные песчаные пляжи. При правильной постановке дела их одних было бы достаточно для мощнейшего пополнения городского бюджета.

Сам же исторический центр расположен сравнительно высоко над морем (с учётом того, что мы живём в Причерноморской степи.) Чтобы подняться от Приморской улицы (идущей не вдоль моря, а вдоль порта; её следовало бы назвать Припортовая) на Приморский же бульвар, нужно преодолеть 192 из 200 ступеней знаменитой Потёмкинской лестницы (восемь ступеней постепенно проглотила расширяющаяся по мере наноса всё новых слоёв грунта и мостовых Приморская улица). Несложно подсчитать, что генерал-губернатор Новороссийского края Арман Эммануэль Софи Септимани Луи-Антуанович де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон, 5-й герцог де Ришельё любуется на Одесский залив с высоты около 35 метров (учитывая возвышение самой улицы над морем и высоту пьедестала, куда Дюк вознесён благодарными одесситами).

Что-то мы затянули вступление. Предупреждаем заранее – такие отвлечения от темы прогулки будут происходить неоднократно. В реальной экскурсии в это время можно заглянуть в смартфон и, отключившись от болтовни экскурсовода, почерпнуть что-то из «фейсбучных истин». В книге можно – мы не обидимся, честное слово – пропустить неинтересные страницы.

… Попробуем сначала. Мы начинаем прогулку не от моря. Но с улицы, откуда открывается вид на море. Поверьте, и таких мест в Одессе немного.

Мы стоим в начале улицы, успевшей (как и едва ли не каждый закоулок центра города, несмотря на сравнительную его молодость) поменять массу названий (одно изучение этого

---

[10] По паспорту – Михайловича. На каком-то из множества этапов оформления и переоформления документов его отца уменьшительное от «Эммануил» имя «Манье» было принято за уменьшительное от «Михаил».

[11] Пушкинская улица идёт параллельно берегу и выводит на Приморский бульвар, также параллельный берегу. Потёмкинская лестница, идущая с бульвара, выводит на Приморскую улицу, отделяющую порт от города, и только через входной павильон морского вокзала, находящийся напротив лестницы, можно пройти по эстакаде к самому вокзалу, чтобы оказаться в нескольких метрах над акваторией порта. Зато с бульвара море можно хотя бы увидеть.

процесса позволило Я. Я. Майстровому выпустить справочник, упомянутый в предисловии). Поначалу она была Казарменной и (в то же время!) Надеждинской, потом стала Телеграфной, а теперь называется улицей Гоголя (это, вероятно, звучит строже, чем Гоголевская улица по аналогии с Гоголевским бульваром в Москве, хотя название «Пушкинская улица» в столице СССР[12] и столице Юмора одинаковое).

Нынешнее название дано постановлением городской Думы в связи с пятидесятилетней годовщиной смерти писателя. В определённые периоды жизни страны годовщины смерти отмечали так же масштабно, как и годовщины со дня рождения. Как широко отмечалось в 1937-м столетие смерти Пушкина! Возможно, так же широко отметили бы в июле 1941-го и столетие со дня гибели Михаила Юрьевича Лермонтова, но помешала начавшаяся Великая Отечественная война. Зато день смерти Владимира Ильича Ульянова долгое время в СССР был выходным – и никто не усматривал в этом кощунства.

В отличие от большинства улиц, названных в Одессе именами писателей, так сказать, условно[13], улица Гоголя вправе носить это название: Николай Васильевич жил в доме № 11 в 1850-м году. К этому дому мы не спеша подойдём.

Не спеша, хотя мы и не на Дерибасовской (вспомним Жванецкого: «По Дерибасовской гуляют постепенно»). Просто мы находимся в одном из популярнейших для экскурсантов уголков Одессы, где есть что посмотреть. И хотя мы уже описывали его в первой нашей книге (тут скучающие начинают смотреть ленту новостей в своём смартфоне), немного повторимся.

За спиной у нас Военная гавань Одесского морского торгового порта. Её каждый из авторов посещал во время учёбы на военно-морской кафедре Одесского технологического института холодильной промышленности (его переменчивая судьба описана во второй книге). Побывать на более серьёзных сборах в Североморске (мы аттестованы как энергетики атомных подводных лодок, а в Чёрном море по международным соглашениям недопустимы корабли с ядерными двигателями, не говоря уж о ядерном оружии) обоим помешала близорукость: даже для офицеров запаса медкомиссия была строгая.

Слева Тёщин мост, примечательный не в архитектурном отношении, а тем, что это, как сказано в Википедии, «народное название» не отражено ни на одной официальной карте. Даже во время недавнего ремонта моста на стандартном щите у забора, огораживающего ремонтный участок, значилось «ремонт пешеходного перехода над Военным спуском».

Справа от нас Шахский дворец. Забавное совпадение – это тоже «народное название». Один из лучших одесских архитекторов Феликс Викентьевич Гонсиоровский построил его для Зенона Карловича Бржозовского в 1851–1852-м годах. Умели работать быстро и качественно, однако! В соответствии с шуткой – «мы можем работать быстро, качественно, недорого; вы можете выбрать две опции из трёх», шляхтич Бржозовский должен был прилично потратиться. Впрочем, в начале 1870-х годов дворец арендовал глава знаменитого торгового дома «Фёдор Рафалович и К°», так что расходы должны были окупиться.

Арендатор несравненно знаменитее Рафаловича – свергнутый 1909–07–16[14] шах Ирана с 1907–01–08 Мохаммад Али Мозафареддинович Каджар. Интересно, что после свержения экс-шах некоторое время скрывался в российской дипломатической миссии, где ровно за 80 лет до этого убит министр-резидент (посол) Российской Империи в Персии статский советник Александр Сергеевич Грибоедов. В одесском дворце шах прожил 10 лет, что и закрепило в народе за зданием, построенным в стиле английской готики, название, не соответствующее внешнему облику.

---

[12] В столице Российской Федерации улице вернули название Большая Дмитровка.

[13] Не могли же, например, Ильф и Петров жить в Одессе на одной улице, да ещё и появившейся через 36 лет после смерти первого и через 31 год после гибели второго! Кстати, и познакомились они – по официальной версии – только в Москве.

[14] Полные даты приводятся по международному стандарту: год-месяц-число. Стандарт хорош тем, что дальше можно уточнять в том же порядке убывания величин: час: минута: секунда…

В 1920-м, когда в Одессе окончательно установилась Советская власть, Мохаммад Али перебрался в Сан-Ремо, где скончался 1925–04–05 в возрасте всего 52-х лет. Сказалась и бурная политическая жизнь (покушения на его жизнь; переворот, совершённый им 1908–06–24; переворот, совершённый против него; неудачная попытка возвращения с отрядом, навербованным в основном среди всевозможных рыцарей удачи, включая откровенных уголовников), и активная личная жизнь: в изгнании жизнь шаха скрашивали 50 наложниц[15].

Мы помним время, когда в здании размещалось областное культпросветучилище (прекрасное слово советского новояза обессмертил анекдот-каламбур, где слово «прачечная» рифмовалось с матерным словом – но мы анекдот не рассказываем из уважения к юной части экскурсантов). В эпоху училища внутрь можно было зайти – в частности, на художественные выставки.

Потом здание в высочайшем темпе и достаточно качественно отреставрировали для Центрального офиса компании по перевалке нефтепродуктов. Так что теперь любоваться Шахским дворцом можно только снаружи. Компанию называть не будем, но для интриги сообщим, что певица Вера Брежнева была замужем за её руководителем.

Продолжаем движение к Гоголю. Очень трудно избежать соблазна останавливаться у каждого здания, настолько они прекрасны в архитектурном отношении. А как увлекательно изучать дворы этих зданий! В связи с неоспоримой элитностью места, внутренняя часть зданий перестроена, реконструирована, надстроена с демонстрацией всех возможностей современной технологии и архитектуры. Правда, небедные жители этих домов отгораживаются от туристов всевозможными домофонами и кодовыми замками. Но спрос на преодоление этих преград рождает предложение в виде туристических фирм, проводящих узконаправленные экскурсии по одной – двум улицам. При этом у экскурсовода уже имеется толстый журнал с перечнем кодов, необходимых для проникновения на закрытую территорию. В качестве примера приведём фирму «Где идём»[16]. Не будем отбивать хлеб у этих симпатичных ребят (их, кстати, можно увидеть и в Интернете[17]). Укажем только видимые с улицы неоспоримые символы Одессы.

Дом с Атлантами – Гоголя 5/7. Один из красивейших в Одессе, без преувеличения. Два Атланта, совместно удерживающие звёздный глобус (скульптор Товье-Герш Лейзерович Фишель), столь выразительны, что скульптуру используют «Всемирный клуб одесситов» в качестве официальной эмблемы и одесское издательство «Оптимум» для серии книг «Вся Одесса».

В доме № 5 (двухэтажный особняк) жили знаменитые Фальц-Фейны – русский, а впоследствии – после эмиграции – лихтенштейнский (занятное сочетание) дворянский род. Дом № 7 (многоэтажный) они сдавали внаём. Архитектором комплекса был главный на тот момент (1899-й год) архитектор Одессы Лев Львович Влодек. Поскольку одновременно он строил ещё и громадное здание Пассажа, логично предположить, что больший вклад в строительство внёс «первый помощник главного архитектора по строительной и художественной части» Фишель. Кстати, опыт, полученный на этой должности, позволил Товию Лейзеровичу с 1905-го по 1911-й год быть главным архитектором Томска. Вот как далеко шагнул уроженец Одессы. Да и Фальц-Фейнов вряд ли кто-то знал бы за пределами узкого дворянского круга, если бы они до получения титула в одном из мельчайших государств Европы не обрели громадные владения в крупнейшем и славу благодаря превращению этих владений в заповедник.

Впрочем, главное достоинство империи – не размер, а готовность принимать и пристраивать к делу представителей любых народов. Колониальные империи – вроде Британской –

---

[15] Хотя скрашивали ли? Источник http://odessa-flat.com/html/schahskii-dvorec.html указывает: экс-шах – то ли в шутку, то ли всерьёз – писал английскому премьеру Гладстону: «лучше прожить 50 лет с одной женой, чем один год с 50-ю жёнами»

[16] https://vk.com/gdeidemtv

[17] https://youtube.com/user/GdeIdemTV

требуют при этом полной ассимиляции, континентальные – как Российская – охотно пользуются культурными особенностями любых пришельцев и включают многие местные находки в общеимперскую традицию. Но в любом случае империя уже самим своим разнообразием включает мощнейший экономический механизм – повышение производительности труда благодаря его разделению – и при грамотном руководстве обеспечивает всем своим обитателям лучшие условия жизни, чем в сравнимом по размеру и природным ресурсам мононациональном королевстве.

Маленькая забавная подробность. Пассаж строился на месте доходного дома Крамарёва – в нём жил младший брат Александра Сергеевича («сами знаете кого») Лев Сергеевич, а навещал его там, в числе прочих, и Николай Васильевич Гоголь. Вот как всё в Одессе просто.

Про Фальц-Фейнов можно рассказывать бесконечно. Они были самыми крупными помещиками на юге России. В их имении Аскания-Нова до сих пор действует биосферный заповедник Академии аграрных наук, носящий имя основателя Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна.

Его племянник Эдуард Александрович Фальц-Фейн – личность совершенно невероятная. Во-первых, на момент написания книги ему 104 года, что само по себе вызывает интерес и уважение. Во-вторых, он способствовал (в том числе и лично приобретая) возвращению в Россию громадного количества культурных сокровищ: среди них сотни книг библиотеки Дягилева, фамильные реликвии Шаляпина, всё, что удалось найти в Германии из Янтарной комнаты Екатерининского дворца Царского села, и прочее, и прочее, и прочее. В третьих, благодаря Эдуарду Александровичу открыты музеи Суворова в Швейцарии и Екатерины Великой в Германии. У барона: пять государственных (включая орден Дружбы народов) и семь общественных наград Российской Федерации; семь наград Украины, включая орден «За Заслуги» I степени; награды других стран. А ещё про него снято четыре документальных фильма, причём фильм 2016-го года называется просто и ясно: «Любите Родину так, как он».

Напротив зданий Фальц-Фейнов расположены дома № 4 и № 6. Дом № 4 памятен нам тем, что в нём располагался уютный ресторан «Та Одесса», где посетителей встречал крокодил. В отличие от Крокодила из стихотворения Корнея Ивановича Чуковского[18], он не ходил и не курил папирос, а мирно спал под стеклянным полом вестибюля. «Той Одессы», что характерно, уже нет. Надеемся, крокодил наш благополучно возвращён в зоопарк.

Вообще же процесс унификации и упрощения охватил даже богатую гастрономическую сферу Одессы – один из привлекательнейших аспектов визитов сюда. Различные экзотические «кормилища» вытесняются практичной итальянской кухней[19]. Поэтому по ходу экскурсии мы часто будем видеть стандартно-итальянские названия «Итальянский квартал», «Марио-пицца», «Олео-пицца» и т. п. А вот экзотических названий вроде «Скрипка и весёлая лошадь» в Одессе нет, хотя она и признанная столица юмора.

Большой балкон второго этажа дома № 6 подпирают четыре атланта. Подобно тому, как Шахский дворец противопоставлялся Воронцовскому дворцу на другой стороне Военной балки, эти атланты противопоставлены двум атлантам Фишеля. Поскольку до победы Арнольда Шварценеггера на конкурсе «Мистер Вселенная» было ещё 67 лет, в качестве натурщиков работали не бодибилдеры с мышцами, накачанными специальными упражнениями (а то и сте-

[18] Тоже уроженец Одессы. По современным правилам он имел бы в свидетельстве о рождении запись «Николай Эммануилович Левенсон». Но поскольку его мать Екатерина Осиповна Корнейчукова не смогла или не захотела оформить брак с иудеем, он получил отчество по крёстному отцу, а фамилию по матери: Николай Васильевич Корнейчуков. Из этой фамилии он и создал псевдоним Корней Чуковский, а потом сам придумал к нему отчество Иванович.

[19] Как известно, свободный рынок неминуемо монополизируется. В частности, сетевые торговые и/или пищевые предприятия по сравнению с одиночными не только экономят на оптовых закупках, но и тратят на рекламу – в расчёте на одну торговую точку – существенно меньше. Разнообразие, официально объявленное одним из преимуществ децентрализованного планирования (мы его обычно называем рыночной экономикой) над централизованным (что тесно связано с единой собственностью на все средства производства – социализмом), фактически достигается и поддерживается противорыночной мерой – антимонопольным законодательством.

роидами). Так что перед нами простые ребята, чьи великолепные фигуры – результат напряжённого физического труда.

Дом № 9 украшает мраморная доска с бронзовым профилем академика Филатова. Великий офтальмолог жил в этом доме с 1915-го по 1941-й год. Мы подробно рассказывали о профессиональной деятельности Владимира Петровича во второй нашей книге. Тех же, кто хочет познакомиться с бытом и творчеством Филатова (а он ещё и одарённый живописец, участвовавший в выставках наряду со знаменитыми художниками), приглашаем в его Мемориальный дом-музей на Французском бульваре, № 53/1. Кстати, экспонатов столь много, что они разделены между домом-музеем, кабинетом-музеем в Главном корпусе института и музеем в лабораторном корпусе института имени Филатова.

Популярность Филатова нашла отражение в одном из вариантов песни «Одесса-мама»:

И если вам в Одессе выбьют глаз,
то этот глаз увставит вам Филатов[20].

Впрочем, в «каноническом» тексте Евгения Даниловича Аграновича и Бориса Моисеевича Смоленского этих строчек нет.

Подробно об этой и о других песнях «за Одессу» мы рассказывать не будем. За нас это уже профессионально сделал профессор Национального морского университета и известный одесский краевед Михаил Борисович Пойзнер в книге «Одесские песни с биографиями»[21].

Двор дома № 9 замечательно показывает технику решения проблемы, преследующей Одессу с момента основания – нехватки воды. Крыши всех флигелей наклонены во двор, выстланный итальянским вулканическим базальтом. В центре двора изящная мраморная горловина цистерны для сбора дождевой воды, стекающей с крыши по каменному мощению в эту ёмкость. О причине изобилия в Одессе итальянского базальта и мрамора подробно рассказал Анатолий в первой части нашей первой книги.

Наконец мы добрались до первой остановки по теме нашей экскурсии. Дом № 11 украшен двумя мемориальными досками в честь Николая Васильевича Гоголя. Собственно, эти доски – единственное украшение здания, находящегося в позорно-ужасающем состоянии. Очевидно, его не восстановят к выходу нашей книги. Главное, чтобы здание вообще осталось, а не рухнуло.

Впрочем, мрачность этого дома частично соответствует образу позднего Гоголя, сложившемуся у его московских и петербуржских современников. К тому же практически законченную в этом доме рукопись второго тома «Мёртвых душ» (о чём сам автор извещал поэта Василия Ивановича Жуковского) Гоголь, как мы знаем, сжёг. Правда, случилось это уже в Москве.

А в Одессе Николай Васильевич был общителен, весел, даже жизнерадостен. Общавшимся с ним одесситам он запомнился как прекрасный рассказчик, неподражаемый чтец и искусный в приготовлении популярного тогда напитка «жжёнка» специалист. Так благотворно повлиял на великого писателя климат (в обоих смыслах этого слова) нашего города.

Первый раз Гоголь был в Одессе проездом. Если упоминать всех писателей, побывавших здесь проездом, то мы не уложимся не то, что в толщенную книгу, но даже в многотомник. Хотя бы потому, что до недавнего времени удобнейшим путём сообщения был не воздушный, а морской. Поэтому одесский порт видели многие тысячи гостей нашей страны, в том числе и литераторы – от Сэмюэла Лэнгхорна Джоновича Клеменса (его псевдоним – Марк Твен, то есть «метка два» – связан с его работой лоцманом на Миссисипи) до Жоржа Жозефа Кристиана Дезиревича Сименона. Мы даже и Гоголя не совсем могли бы упоминать, если бы он

[20] http://a-pesni.org/dvor/odesmama.php

[21] «Одесские песни с биографиями – Одесса: ТЭС, 2016 – 176 с., ил. – ISBN – 978–617–7337–16–3.

ограничился одним визитом: в первый приезд в 1848-м году писатель возвращался морем из Иерусалима и большую часть времени провёл в Карантине, размещавшемся в нынешнем парке Шевченко.

Так поступали со всеми, кто мог заболеть чумой либо холерой в южных странах. Мера неприятная, но логичная: и та, и другая болезнь досаждали Одессе регулярно, холера официально зарегистрирована у нас последний раз в 1970-м году[22]. Напомним, что первую эффективную вакцину от холеры создал одессит Владимир Аронович Хавкин – но только в 1892-м году. Он же – просто поразительно! – спустя четыре года создал вакцину против чумы.

Но всего этого Николай Васильевич не знал (да, если бы и предвидел, как предвидел многое другое из нашей истории, то всё равно поделать ничего не мог), поэтому терпеливо «отсидел» в Карантине, получив в виде вознаграждения праздничный обед в ресторации Цезаря Оттона.

С Оттоном получилось замечательно. В отрывках из «Путешествий Онегина» читаем:

Шум, споры – лёгкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном;[1]

А ниже сноска:

[1] *Известный ресторатор в Одессе. – Примечание А. С. Пушкина.*

Этого примечания Пушкина в три слова с предлогом оказалось достаточным, чтобы одесские краеведы исчисляли себя от Александра Сергеевича, назначив его «первым одесским краеведом». Вот уж действительно – «Пушкин – наше ВСЁ».

Воспользовался ли Гоголь подсказкой Пушкина в этом случае, как в случаях сюжетов «Ревизора» и «Мёртвых душ», неизвестно, но во второй приезд в Одессу «кормился» он у Оттона регулярно. И ел, несмотря на худобу, немало. Впрочем, не только в Одессе. «Самого Гоголя в Италии друзья могли застукать одного в ресторане, уминающего макароны в порциях на несколько человек – тогда как только перед этим он жаловался, что совсем ничего не может есть из-за расстроенного пищеварения. И вообще, говорил, что у него желудок не такой, как у всех, а перевёрнут вверх ногами, о чем имеется заключение парижских врачей. Впрочем, близкие друзья давно привыкли к его чудачествам»[23].

Второй приезд писателя в Одессу начался 1850–10–24 – в день рождения великого сатирика и юмориста Аркадия Исааковича Райкина (и Владимира Вассермана). Впрочем, сам Гоголь-то родился 1-го апреля – чего уж больше.

Если же исходить из логичного предположения, что писатель – это его книги («Я – поэт. Этим и интересен» – писал Маяковский в автобиографии), то Гоголь в Одессе появился в 1837-м году. Именно тогда в Городском театре триумфально прошёл гоголевский «Ревизор» со знаменитым Щепкиным в роли городничего.

Николай I, хоть и заметил проницательно: «досталось всем, а больше всего мне», но пьесу разрешил. В связи с этим в народе ходила байка. Когда знаменитый режиссёр-комедиограф Леонид Иович Гайдай (1923 01 30–1993 11 19) экранизировал «Ревизора», первым кадром он пустил эпиграф пьесы: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива». Легендарный председатель

[22] По счастью, тогдашний штамм Эль-Тор вызывал столь слабую форму заболевания, что даже во внебольничных условиях вероятность смерти была довольно мала, а уж при элементарном медицинском вмешательстве умирал всего один из ста. А во времена Гоголя ещё не знали даже, что причина смерти при холере – обезвоживание, и не применяли соответствующих методов восполнения потерь жидкости в тканях, так что умирало от трети до половины заболевших, и единственным способом защиты оставалась изоляция потенциальных носителей заразы.

[23] http://odessa360.net/person/045_2_Gogol/01_about/about.html#name

Госкомитета по кинематографии Филипп Тимофеевич Ермаш сказал: «Ну, этого я пропустить не могу…» Находчивый Гайдай ответил «А Бенкендорф смог». Довод подействовал.

Городской театр, где шёл «Ревизор», был важнейшим объектом Одессы. Город с самого начала был мультикультурным и по замыслу герцога Ришельё именно театр должен был способствовать единению представителей совершенно различных народов, населявших Одессу. По его настоянию театр открывается уже в 1810-м году – через 16 лет после основания города – и способен вместить 800 человек из 12 500 населяющих Одессу на тот момент.

Нынче в моде мультикультурализм – провозглашение равноценности всех культур и традиций. Но вряд ли можно признать равными симфоническую музыку и первобытные пляски (не зря выросший из африканской музыкальной традиции джаз постепенно эволюционировал до сложности, сопоставимой с симфониями, и даже породил ответвление, названное симфоджазом), понимание равноправия всех людей и людоедскую готовность считать чужаков вовсе не людьми, осознание способности каждого здорового ребёнка в надлежащих условиях выучиться любым наукам и англофранцузскую[24] расовую теорию заведомого неравенства умственных способностей разных народов…

Собственно, на практике проповедники мультикультурализма противоречат ему. Так, в Западной Европе и Северной Америке сейчас модно ограничивать или даже полностью запрещать проявления христианской традиции на том основании, что они оскорбляют чувства мусульман, гомосексуалистов и прочих меньшинств, но никто не осуждает меньшинства, не соответствующие христианским воззрениям или даже прямо оскорбляющие чувства христиан. Например, в Соединённых Государствах Америки довольно методично вытесняются из массового распространения открытки с надписью «Merry Christmas» (и даже с её сокращённой версией «Merry Xmas»), но никто не возражает против открыток в честь также декабрьского иудейского праздника «Happy Hanukah», а во многих странах Европейского Союза на муниципальном, а то и государственном, уровне запрещают выставлять на улицах рождественские ёлки, хотя местные мусульмане – из тех, кто живёт там уже несколько поколений – чаще всего публично заявляют, что не имеют ничего против празднования: ведь Иешуа Иосифович Давидов признаётся в исламе хотя и не богом, но великим пророком, уступающим по своему значению разве что самому Мухаммаду Абдуллаховичу Курейшину. Таким образом равными признаются не все культуры, а только малые – и никто не задумывается, что малы они как раз потому, что не способствуют (а то и прямо препятствуют) благополучию своих носителей.

Кстати, в Одессе проблема религиозных праздников с давних времён и по сей день решена ко всеобщему удовольствию: например, христиане охотно угощают соседей-иудеев пасхальным куличом, а те столь же охотно дают христианам часть мацы, испечённой на Песах, и таким образом праздник, священный в рамках одного вероисповедания, становится радостью для всех.

По представлениям русской цивилизации (в том числе и одесской её ветви) любая культура тем выше, чем больше способствует общему развитию и прогрессу человечества в целом. Многие иные цивилизации вовсе не признают понятие развития и прогресса: с их точки зрения человечество непрерывно ухудшается (по античным представлениям, Золотой Век был в далёком прошлом) или в лучшем случае движется по замкнутому кругу (в Индии считается, что продолжительность каждого цикла составляет несколько миллиардов лет, что близко к современным представлениям о возрасте нашей Вселенной – совпадение явно случайное). Западноевропейская (и отпочковавшаяся от неё англосаксонская) цивилизация несколько веков

[24] Эту теорию разработали лорд Хаустон Стъюарт Уильям-Чарлзович Чембёрлен и Жозеф Артюр Луич граф дё Гобино. Альфред Эрнст Вольдемар-Вильхельмович Розенберг, Адольф Алоизович Хитлер, Юлиус Фридрихович Штрайхер и бессчётные их последователи получили расовую теорию в готовом виде. Претензии современных европейцев к национальной социалистической немецкой рабочей партии по сути сводятся к тому, что она употребила внутри Европы те методы обращения с инородцами, какие Просвещённая Европа примерно с середины XVIII века использовала только за своими пределами.

опиралась на представление о неизбежности и благотворности прогресса, но теперь склонилась к отрицанию самой возможности дальнейшего развития общества как целого и полагает, что прогресс науки и техники ничего не изменит в общественных отношениях. Доказательством вечности капитализма, понимаемого как общество, где каждый преследует собственную выгоду, но тем самым неизбежно способствует общему благу, объявлен факт распада европейской части социалистического общества. Столь же уверенно два века назад факт сокрушения Французской империи, выросшей из Французской же республики, усилиями объединённой Европы, объявлялся доказательством вечности феодального устройства.

Но в книге по истории – пусть даже истории одной страны и одного города – вряд ли стоит подробно рассуждать о разных подходах к концепции прогресса. Здесь для нас важно только, что она была в Европе общепринятой во времена зарождения Одессы. И уже тогда было ясно, что взаимодействие разных культур – а тем более цивилизаций – способствует прогрессу каждой из них.

Поэтому в Городском театре – в соответствии с замыслом основателя – всегда шли произведения, созданные в разных культурах, но интересные практически всем, кто жил в городе. И таким образом театр сыграл роль плавильного котла, помогающего сформироваться одесскому народу. Поэтому пожар, возникший в театре и уничтоживший его 1873–01–02[25], был просто несчастьем для города. Новое здание театра открыто в 1887-м году, и среди четырёх бюстов, его украшающих – бюст Николая Васильевича Гоголя[26].

Какое-то время театр носил имя первого народного комиссара просвещения Анатолия Александровича Антонова (по отчиму – Анатолия Васильевича Луначарского). Поскольку в это время он уже был театром Оперы и балета, выбор забавный: среди громадного количества литературных работ Луначарского опер и балетов не было.

Впрочем, его роль как наркома просвещения позналась в сравнении с работой его преемников. Недаром есть легенда: когда комиссия, рассматривая макет монумента «Сталинградская битва», спросила скульптора Евгения Викторовича Вучетича, почему Родина-Мать кричит, он ответил: «Она зовёт Луначарского!» Монумент установлен на Мамаевом кургане Волгограда так, как задуман скульптором…

Вернёмся, однако, от Анатолия Васильевича к Николаю Васильевичу. Его положение было сложным.

С одной стороны, он был окружён вниманием, искренней заботой и любовью одесситов, включая самых знатных и родовитых. К плюсам зимовки в Одессе можно отнести сравнительно мягкую погоду конца 1850-го – начала 1851-го годов (не так тепло, как в Риме, конечно, но и не Санкт-Петербуржская зима). Несомненным был и бытовой комфорт. Гоголь поселился у дальнего родственника – генерал-майора Андрея Андреевича Трощинского, причём самого домовладельца в городе в это время не было. Так что писатель в приятном для себя уединении мог работать над делом всей жизни – вторым томом «Мёртвых душ». Даже само название улицы – Надеждинская – как будто давало надежду на успех невероятного по масштабу замысла. Тут мы вновь должны опереться на авторитет Дмитрия Быкова. Он в своих статьях и лекциях о Гоголе отмечает, что во втором томе Гоголь планировал создать Россию подобно тому, как ранее в цикле «Миргород» создал Украину. Ни больше, ни меньше.

Действительно, образ Украины с Днепром, до чьей середины долетит только «редкая птица», с панночками, превращающимися в ведьм, с кузнецом Вакулой, готовым ради подарка невесте оседлать чёрта и лететь в столицу за туфельками, с гордым и непреклонным Тарасом Бульбой – весь этот живой, богатый, и, выражаясь современным языком, 3D мир создан одним

[25] Через 2 дня после окончания работ по очередной переделке здания. С учётом нынешнего опыта сразу возникает вопрос: хорошо ли были выполнены эти работы?

[26] Остальные трое гениальных творцов русской литературы и музыки, украшающих наш театр – Александр Сергееевич Пушкин, Александр Сергеевич Грибоедов и Михаил Иванович Глинка.

человеком. После него, насколько мы представляем, только двум писателям удалось сделать нечто подобное, хотя и в меньшем масштабе: Александр Степанович Грин создал свой мир с городами Зурбаган, Лисс и т. п., а Исаак Эммануилович Бабель создал свою Одессу. Одесс, впрочем, было минимум две – Бабеля и Жаботинского, но об этом мы подробнее расскажем в ходе экскурсии позже.

Минусов в жизни Гоголя было на тот момент, увы, куда больше. Во-первых, не удалась первая – и, как мы теперь знаем, последняя – попытка устроить личную жизнь. 41-летний писатель задумал посвататься к Анне Михайловне Вильегорской. Ей на тот момент было уже 27 лет (по тогдашним понятиям лет на десять больше, чем нужно для замужества), тем не менее через родственников семьи писателю намекнули, что ему будет отказано.

В сословном обществе Российской империи родовитость Вильегорских и Гоголей была несопоставима. Впрочем, это мог быть предлог; как-никак Гоголь был неоспоримо первым писателем России на тот момент. Скажем больше, вся эта история может быть легендой, сопровождавшей писателя и при жизни, и после смерти (чего стоит хотя бы история про череп Гоголя, якобы украденный по просьбе великого коллекционера Алексея Александровича Бахрушина, а потом приведший к исчезновению целого поезда в Италии[27]). Зато несомненно и многократно выражено публично непонимание теми, кого сейчас именуют «либеральной общественностью», изменения взглядов Гоголя. То, что позже стало совершенно естественно и нашло отражение в чеканной формулировке: «Кто в молодости не был радикалом (вариант: либералом) – у того нет сердца; кто в зрелости не стал консерватором – у того нет ума», приписываемой каждому крупному политику Европы от Бисмарка до Чёрчилла, а также сатирикам от вышеупомянутого Марка Твена до Джорджа Бернарда Джордж-Карровича Шоу, стало шоком для России 1846-го года. В этом году Гоголь опубликовал «Выбранные места из переписки с друзьями». В читающем обществе разразился грандиозный скандал. Диапазон обвинений Гоголя – от проповеди мракобесия и предательства идеалов до безумия. «Властитель дум», главный литературный критик России Виссарион Григорьевич Белинский пишет Гоголю письмо, за одно чтение которого позже судят петрашевцев, включая «нового Гоголя» – Фёдора Михайловича Достоевского. Драматично, но показательно: такова роль русской литературы в общественном сознании.

В современном прагматичном и – одновременно – толерантном обществе русская литературоцентричность считается нездорово гипертрофированной. При всей любви к литературе, особенно к – без преувеличения – Великой русской литературе XIX века, согласимся с такой оценкой. Ненормально, когда споры писателя с властью влияют на курс ценных бумаг Российской империи, что имело место в случае Льва Николаевича Толстого. Заметим, однако, что позже тот же Достоевский прошёл аналогичный эволюционный путь: от каторжных работ по делу петрашевцев до «охранителя» в «Дневнике писателя» и наставника Великих княжон.

Третье сложное обстоятельство – грандиозный и, как понял сам Гоголь за несколько дней перед смертью, неподъёмный труд по созданию непротиворечивого и позитивного образа России. До второго тома «Мертвых душ» Гоголю не удалась только самая первая вещь – поэма «Ганц Кюхельгартен» Затем Гоголь идёт от триумфа к триумфу. «Вечера на хуторе близ Диканьки» изданы, когда автору 22 (1-й том) и 23 года (2-й том); сборник «Миргород» выходит в 1835-м – автору 26. В том же году выходит сборник «Арабески» с первыми «Петербургскими повестями» – «Невский проспект», «Портрет» и «Записки сумасшедшего». В следующем году написан «Ревизор». «Нос» создаётся одновременно с «Ревизором» в 1836-м, а «Шинель» (из неё, как известно, «все мы вышли») в 1842-м: автору 33 года! В том же году издан первый том «Мёртвых душ». Кажется, как споют почти через сто лет:

[27] https://newsland.com/user/4296739998/content/cherep-gogolia-stranstvuet-v-rimskom-ekspresse-prizrake/4098544

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака!

Но потом наступает пауза, прерванная только упомянутыми «Выбранными местами из переписки с друзьями».

В науке подобное случилось с гениальным Альбертом Эйнштейном: он последние 40 лет жизни занимался Единой теорией поля, но так и не достиг поставленной цели, хотя по дороге обнаружил немало интересного. В литературе примеров значительно больше. Но Гоголю от этого было не легче.

Разнообразие образов и целых миров, им созданных, невероятно. Авторы, не будучи профессиональными литературоведами, могут указать только одного писателя, в этом отношении подобного Гоголю – американского фантаста Хенри Хенрича Каттнера. Каждым своим рассказом либо серией из нескольких рассказов он открывал новое направление, потом развиваемое целой плеядой писателей, причём темы хватало не только на рядовых литераторов, но и на звёзд первой величины. Каттнер писал не только под своим именем, а использовал и множество псевдонимов. В силу разнообразия направлений и стилей, им охваченных, до сих пор – спустя почти 60 лет после его смерти! – установлены не все произведения, им написанные. Мистическая вещь – прожил он, как и Николай Васильевич Гоголь, 43 года.

Пользуясь случаем, похвалим советских редакторов. Впервые мы познакомились с Каттнером, когда Анатолий привёз из традиционной для студентов поездки на уборку урожая[28] сборник его рассказов «Робот-зазнайка». Годы спустя, когда был переведен весь известный Каттнер, мы убедились: составители первого сборника отобрали лучшее. Более того, они разместили рассказы в порядке, обеспечившем наилучшее впечатление от творчества Каттнера. Не зря этот сборник переиздаётся и в наши дни[29]. Лично нам также кажется, что аналогичным высочайшим профессионализмом отличались и работники формы грамзаписи «Мелодия», выпускавшие виниловые диски «Франция – песня», «Мир Эдит Пиаф» и «Песни Александра Вертинского». Когда стало доступно всё, мы и тут убедились, что нам предлагалось лучшее.

Итак, Гоголь «всеми признан, изгнан отовсюду[30]». Все ждут от него создания нового волшебного и прекрасного мира, и он решается на эту попытку. С первым томом «Мёртвых душ» было значительно проще. Не только потому, что сюжет подсказал Пушкин. Александр Сергеевич завёл пружину, толкающую часовой механизм сюжета. Просто сами эти часы уже изобрёл… Гомер.

Именно у него впервые появился герой, потом в различных ипостасях проходящий по всей мировой литературе. Это Одиссей – хитроумный, изобретательный, предприимчивый, любознательный и, как шутили на нашей Военно-морской кафедре «в меру нахальный». Вообще легко быть родоначальником мировой литературы. Ты сочиняешь две поэмы – «Илиада» и «Одиссея» – и тут же «забиваешь» (сошлёмся на Борхеса[31]) две из трёх главных тем

---

[28] В Одесской области это был либо виноград, либо помидоры, что не так уж плохо. Впрочем, в советское время всех горожан, вывозимых на сезонные сельские работы, изрядно возмущало принудительное привлечение к низкоквалифицированному труду. Лишь сейчас стало ясно: для страны, не имеющей возможности массово привлекать сезонников из-за рубежа и не желающей содержать во внесезонное время миллионы безработных, нет лучшего выхода, нежели направлять на неотложные работы всех, кто не занят в неразрывных технологических цепочках и может потом быстро наверстать упущенное – студентов, конструкторов…

[29] http://azbooka.atticus-group.ru/authors/3964.shtml

[30] Строка из «Баллады поэтического состязания в Блуа» французского поэта с запутанной биографией, известного как Франсуа Вийон.

[31] Его полное имя по испанскому обычаю столь обширно (Хорхе Франсиско Исидоро Луис Хорхе-Гильермович Борхес Асеведо), что сам он представлялся просто как Хорхе Луис Борхес и вошёл в историю литературы именно так.

литературы на века вперёд: война и странствия. Третью тему – внезапное, но заслуженное обогащение – откроет Шарль Пьерович Перро в своей «Золушке».

Итак, «Мёртвые души–1» – «Одиссея» на российской почве. Борис Михайлович Парамонов в статье «Возвращение Чичикова»[32] указал: когда Константин Сергеевич Аксаков сравнил «Мёртвые души» с «Илиадой» (почему не с «Одиссеей»? – *В.В., А.В.*), Гоголю идея внешне не понравилась. Но подсознательно он был настроен на эпос (и назвал труд, во многом сходный с плутовским романом, поэмой). Более того, после выхода первого тома Гоголь радикально переделал «Тараса Бульбу» для максимального внутреннего родства с «Илиадой». При этом в новой редакции «Тарас Бульба» выглядит очень инородно в сборнике «Миргород» рядом с нежными «Старосветскими помещиками», мягко-юмористической «Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и мистическим «Вием». Впрочем, упомянутая безграничная широта творчества Гоголя позволяет и столь разнородный набор воспринимать как единое целое.

Итак, дело сделано – есть российская «Илиада», есть наша «Одиссея», но Гоголю нужно двигаться дальше. И тут – вновь сошлёмся на Бориса Парамонова – Гоголя подводит мораль: «В русское сознание – сознание Гоголя в том числе – не влезала мысль о дельце, да ещё плутоватом, как о позитивном герое». Не спасает даже то, что Гоголь буквально влюблён в своего Чичикова. По соображениям морали нужен другой положительный герой. Скажем больше: по примеру другого эпоса – «Божественной комедии» Данте – Гоголь возложил на себя обязанность после «Ада» в виде первого тома своей поэмы написать «Чистилище» и «Рай» в двух следующих томах.

Но если в сериях боевиков «Миссия невыполнима» по законам «правильного голливудского кино» название обманывает зрителя (тот, впрочем, хоть и переживает за героев, но не сомневается в благополучном финале), у Гоголя название оказалось абсолютно точным. Если в первом томе «Мёртвыми душами» были только умершие, но не исключённые из ревизских сказок – аналогов нынешних переписей населения – крепостные, то во втором томе «мёртвыми душами» оказались буквально все положительные герои.

Гоголь работал до изнеможения, писал, зачёркивал, дополнял, снова зачёркивал. Бродил по пустому дому, возвращался к конторке, за которой писал, по укоренившейся привычке, стоя. В принципе, шла нормальная работа, пусть и без моцартовской лёгкости, по легенде, позволявшей великому композитору сочинять музыку быстрее, чем потом переписчики копировали его нотные рукописи. Но результат трудов неизвестен: созданное за пять месяцев в Одессе сожжено Гоголем в Москве.

Конечно, мрачный вид дома № 11 заставляет вспомнить о нечистой силе, в «Мастере и Маргарите» провозгласившей и осуществившей тезис: «Рукописи не горят!» Как вариант: начинается долгожданный ремонт здания и – о, чудо – под пятой половицей бывшей гостиной находится полная рукопись второго тома. Однако знакомство с черновиками, опубликованными в Собрании сочинений Николая Васильевича, заставляет задуматься: нужно ли нам это?

Есть легенда, что, ознакомившись со всем написанным Джеромом Дэвидом Соломоновичем Сэлинджером за время его невероятно затянувшегося молчания (он ничего не публиковал с 1965-го до смерти в 2010-м), издатель сказал коротко: «Оставайтесь легендой!» То, что сделал Гоголь в последние дни своей земной жизни, хоть и нанесло удар литературоведам, но его самого оставило на почти недосягаемой вершине.

С этой вершины мы начинаем спуск к другим писателям. Заметим тут же, что эстафетную палочку плутовского романа подхватили одесские писатели Иехиел-Лейб Арьевич[33] Файнзиль-

---

[32] https://fil.wikireading.ru/57730

[33] В советское время – Илья Арнольдович. В первые годы после революции многие представители национальных меньшинств (как тогда говорили – нацмены) русифицировали свои имена. Так, Анушаван Ованесович Микоян вошёл в историю самолётостроения как Артём Иванович.

берг и Евгений Петрович Катаев (брат вышеупомянутого Валентина). Созданный двуединым автором «Ильф и Петров» образ Остапа Ибрагимовича[34] Бендера не уступает в живости, выразительности и обаянии образу Павла Петровича Чичикова. Как и Чичиков, Бендер – самый живой и привлекательный герой романов «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок». Конечно, он ближе к нам по времени, и авторы его – коренные одесситы, так что мы не претендуем на объективность. Будем считать, что могучая аура гениального Гоголя распространилась с дома № 11 по Надеждинской до № 137 по Старопортофранковской и № 4 по Базарной, где родились его одесские литературные внуки по «плутовской линии».

Впрочем, как всем известно, практически каждого нашего литератора после Гоголя можно считать продолжателем какого-то из гоголевских литературных направлений. Поэтому, хотя – альпинисты подтвердят – спуск с вершины сложнее подъёма, зато с гоголевской вершины у дома № 11 по Надеждинской улице мы можем идти к любому из писателей, о котором хотим рассказать.

[34] Скорее всего – Абрамовича. «Сын турецкоподданного» – намёк на распространённый на рубеже XIX–XX веков у российских евреев, располагавших средствами для выполнения соответствующих формальностей, переход в подданство Османской империи: со времён Петра I Алексеевича Романова на Руси к иностранцам относятся куда лучше, чем к собственному народу.

Глава 2
Маяк в Одессе

Катаев в книге «Алмазный мой венец» именовал его Командором, причём только это имя писал с большой буквы. Какие-то его черты его Ильф и Петров не побоялись показать в Ляписе-Трубецком[35]. Общепринято считать, что Михаил Булгаков вывел его в образе проходного персонажа романа «Мастер и Маргарита» поэта Александра Рюхина[36].

На самом деле, с такой говорящей фамилией прозвище не нужно. Просто – Маяк – и всё. Может быть, это обстоятельство и привело к тому, что переулок Маяковского остался в Одессе не переименованным: уж очень подходящее название для приморского города. Тем более, что до знаменитого Воронцовского маяка от него по прямой пару километров.

Кстати, у Одессы есть и Одесский маяк – он был установлен на мысу Большого фонтана (юг Одесского залива), а затем из-за оползней перенесён чуть глубже от берега. К нему ведёт Маячный переулок. Так что всё логично.

Впрочем, первоначальное название переулка – Малый, а кто из членов топонимической комиссии проголосует за то, чтобы в Одессе был Малый переулок? Тут уместно вспомнить, что первый (и великий) мэр Тель-Авива Меир Янкелевич Дизенгоф, приехавший в Палестину из Одессы, решил, что главная улица Тель-Авива – бульвар Ротшильда – должна начинаться с сотого номера. Тогда получатели писем из Тель-Авива по номеру дома увидят, в каком большом городе живут их родственники.

Так что от дома Гоголя мы идём к переулку Маяковского. Дистанция короткая, но значительная. Почти как в поэме «Владимир Ильич Ленин»:

Коротка
    и до последнего мгновения
нам
    известна
        жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
    товарища Ленина
надо писать
    и описывать заново.

---

[35] Пожалуй, резче и концентрированнее всего это описано в статье Александра Аркадьевича Немировского http://wyradhe.livejournal.com/31580.html «Как бр. Катаевы любили своего брата в Революции ВеВе Маяковского». Впрочем, судя по обсуждению статьи, автор – сообразно своим, как нынче всё ещё модно, антисоветским взглядам (в провозглашённый им глубокий вечный антисоветизм создателя «Волн Чёрного моря» и «Время, вперёд!» тоже трудно поверить: история знает множество примеров полного изменения убеждений) – тоже не любит Маяковского. В комментарии http://wyradhe.livejournal.com/31580.html?thread=140124#t140124 к статье отражена более общепринятая литературоведческая позиция: Ляпис – обобщённый бездарный подражатель великому поэту.

[36] Впрочем, критик Эдуард Самойлович Кузнецов показал, что это неверно, детально проанализировав вопрос в статье http://magazines.russ.ru/voplit/2008/3/ku16.html «Кто такой Александр Рюхин?» По его мнению, Рюхин никоим образом не похож на Маяковского, и Булгаков скорее всего имел в виду популярного в те годы прежде всего у комсомольцев (как и Маяковский) поэта Александра Алексеевича Жарова.

Тут вспоминается типичная для современных школьных сочинений фраза: «Владимир Ильич Ленин родился в городе Ульяновск и по имени родного города взял псевдоним Ульянов».

… На нашем пути всё интересно. Будем кратки, насколько это возможно для разговорчивых одесситов.

Гоголя, дом № 8 – кафе «Гоголь-Моголь» (так что яркие названия кафе всё же имеются)[37]. Место достаточно популярное и без нас – не будем его дополнительно рекламировать. Вы и сами обратите внимание на ограждение летней площадки в виде старых велосипедов. «Гоголь-Моголь» расположен на углу улицы Гоголя и Казарменного переулка. Мы ещё помним времена, когда Казарменный переулок носил имя Некрасова.

С переименованиями получилось хождение по кругу: наши дедушки и бабушки с трудом осваивали новые названия, теперь вновь ставшие старыми и не известными молодому поколению.

Кое в чём помогают названия переулков. Так, на Большом Фонтане есть несколько «Номерных» Украинских переулков, отходящих от улицы Ахматовой. Можно догадаться, что улица также называлась Украинской. Переименована она в 1987-м году и не просто так. В районе этой улицы стоял дом, где в 1889-м году родилась Анна Андреевна Горенко. Когда отец – инженер-механик флота в отставке – узнал о стихотворных опытах дочери, он попросил «не срамить его имя». Анна выбрала в качестве псевдонима фамилию отдалённой родственницы, заодно придумав и происхождение «бабушки-татарки» от ордынского хана Ахмата.

Однако мы не будем рассказывать про Анну Андреевну, поскольку она сама в поэме «Реквием» написала однозначно:

А если когда-нибудь в этой стране

Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем – не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь

Честная оценка: из Одессы семья уехала в 1890-м году.

Возвращаемся на угол Казарменного переулка и Гоголя; нет, лучше Некрасова и Гоголя – так нам приятнее описывать наш маршрут. На втором углу Т-образного перекрёстка («Некрасов упирается в Гоголя»), в доме № 10 туристическое агентство «Тудой-Сюдой» – организатор многих интересных экскурсий, включая «одесские экскурсии для одесситов» с детальнейшим рассказом про дома на каждой из центральных улиц города и проникновением в закрытые «чисто одесские» дворы и парадные.

Рядом в доме № 12 один из самых роскошных ресторанов города – Ministerium или, как это заведение само расшифровывает название – Первое Одесское Министерство отдыха. В этом здании долгое время после войны находился Главпочтамт, пока его «родное» здание неспешно восстанавливали, потом 1-е городское отделение связи. Внимательный зритель фильма «Золотой телёнок» Михаила Швейцера узнает вход в здание. Именно на этот Главпочтамт принёс Остап Бендер свой чемодан с миллионом рублей, чтобы отправить наркому

[37] Интересно, что второе кафе этой же сети – «Гоголь у моря» – находится недалеко от Маячного переулка.

финансов. Кроме отделения связи, в здании пребывал и Одесский Дом техники с различными специальными курсами. В ходе деиндустриализации страны всё это заменено на «Министерство отдыха».

Дом № 14 – роскошный с цокольным этажом, высоченными четырьмя этажами и громадными балконами по всему фасаду. От него начиналась экскурсия «Одесса военная» нашей первой книги. Песню, посвящённую жильцу дома матросу Железняку (Анатолию Григорьевичу Железнякову), сейчас можно рассматривать как замаскированную рекламу GPS навигации. Поэт Михаил Голодный – Михаил Семёнович Эпштейн – написал:

Он шёл на Одессу,
А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд

Занятно, что первый куплет имел два варианта (ниже мы выделили курсивом разночтения) – более печальный для посмертной судьбы Железняка и более торжественный:

В степи под Херсоном —
Высокие травы,
В степи под Херсоном – курган.
Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк, партизан.

И

В степи под Херсоном —
Высокие травы,
В степи под Херсоном – курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

Как точно сказал, хоть и по другому поводу, Жванецкий: «Разница небольшая, но очень существенная».

Напротив солидного, но игривого по облику дома Железняка ещё более солидный и имперский дом на углу Гоголя и Сабанеева моста. По крупным, как нам представляется «питерским» деталям фасада безошибочно узнаётся второй из чешских архитекторов нашего города – Викентий Иванович Прохаска[38]. В доме, построенным им же на углу Новосельского и Льва Толстого, жила Мария Александровна Денисова (по мужу – Щаденко) – героиня первой поэмы Маяковского «Облако в штанах».

Так «легко и непринуждённо» мы вернулись к теме этой главы.

Когда в ноябре 1935-го года Лили Уриевна Каган (в замужестве Лиля Юрьевна Брик) – как главный редактор полного собрания сочинений Маяковского – написала второе письмо Иосифу Виссарионовичу Джугашвили[39], она не думала, что это приведёт к повторной смерти поэта. На первой же странице письма, описывающего трудности при издании произведений

[38] Первым считается Влодек, даром что он Лев Львович. Впрочем, и Бурлюк, о котором мы вскоре расскажем, тоже Давид Давидович «даром» – в смысле, что тоже не еврей.

[39] Первое письмо, написанное в январе 1931-го, осталось без ответа.

Маяковского, Сталин написал: «Тов. Ежов[40]! Очень прошу вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остаётся лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Вторая фраза резолюции – чеканная и ёмкая – на долгие годы стала исчерпывающей характеристикой поэта. Хотя незадолго до этого на Первом съезде Союза Советских писателей сам председатель свежесформированной организации Алексей Максимович Пешков – Максим Горький – в заключительной речи указал: «Говоря о поэзии Маяковского, Николай Иванович Бухарин не отметил вредного – на мой взгляд – «гиперболизма», свойственного этому весьма влиятельному и оригинальному поэту».

Оба эпитета, использованные основателем соцреализма, можно толковать двояко, скорее – даже негативно. Но после ставших широко известными эпитетов Сталина – «лучший» и «талантливейший» – в сознании большинства Маяковский, у которого при жизни были сложные отношения с Горьким, прочно занял место вплотную к «Буревестнику революции». Почти как Ленин и Сталин – при жизни тоже далеко не всегда единомыслившие.

Спорить о творчестве Маяковского стало бессмысленно. Он «забронзовел» не в 1958-м году, когда на пересечении Садового кольца и улицы Горького (Sic[41] – как написал бы Ленин на полях книги в этом месте) ему поставили памятник с надписью «От Советского правительства». «Забронзовел», то есть повторно умер он, когда Сталин начертал свою резолюцию.

А надпись на памятнике точная. Во-первых, сам Маяковский своё предсмертное письмо-завещание адресовал правительству. Во-вторых, в 1958-м в моде были другие поэты, а «забронзовевшего» народ не жаловал, хотя именно у подножья этого памятника молодые литераторы читали свои стихи. Так что даже если бы тогда (как было принято ранее) позволили собирать деньги на памятник, в добровольном порядке собрали бы немного.

Абсолютную статичность оценки творчества Маяковского иллюстрирует пример нашего личного школьного образования. Каждый из нас – один в 1969-м, другой в 1977-м – спокойно писал сочинения о главных, как нам внушали, поэмах Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо», опираясь на тетрадь по русской литературе, которую вёл отец в 1948-м году. Правда, и преподавала нам та же, что и отцу, Марьяна Леонтьевна Корчевская. Кстати, за безупречный труд в школе её в 1967-м наградили орденом Трудового Красного Знамени – в те времена далеко не расхожим.

Как преподавание литературы отбивало любовь к чтению, писать не будем. Сейчас вот всё ещё больше переменилось: чуть ли не 99 % чтения – сообщения в социальных сетях. Правда, в них же и пишут, так что число пишущих сравнялось с числом читающих. Это не хорошо и не плохо – это другая жизнь.

Ещё пару слов о памятнике, точнее, о двух памятниках. Удивительно, как поэты-провидцы писал одно, а их искренние почитатели делали с точностью до наоборот. Пушкин написал в практически итоговом стихотворении «Памятник»:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.

Эти слова написали на постаменте прекрасного, но, безусловно, рукотворного памятника ему. Далее, Маяковский пишет в несомненно итоговой (осталось только два вступления) поэме «Во весь голос»:

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать

[40] Тогда председатель Комитета Партийного контроля и один из пяти – включая Сталина – секретарей ЦК ВКП(б).

[41] По латыни – «Так». Употребляется как пометка чего-то странного, непривычного или особо значимого.

на мраморную слизь.
Сочтёмся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Ему устанавливают бронзовый памятник. Возможно, ориентировались на строки, обращённые к Пушкину в знаменитом (и очень печальном, если задуматься) стихотворении «Юбилейное»:

После смерти
нам
стоять почти что рядом:
вы на Пе,
а я
на эМ.

Так что не удивительно, что знаменитые памятники стоят в Москве столь близко друг от друга: Маяковский на пересечении Тверской и Садового кольца, Пушкин – на пересечении той же Тверской и кольца Бульварного (хотя, конечно, поэт говорил о библиотечных полках, а не о близости расположения будущих памятников). В том же стихотворении Маяковский писал:

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.
Заложил бы
динамиту
– ну-ка,
дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизнь!

Так что вряд ли он бы бурно порадовался памятнику себе – даже с учётом возвращения площади, где он стоит, названия Триумфальная.

Зато его, безусловно порадовала бы станция метро Маяковская. По нашему мнению, эта станция остаётся «лучшей и талантливейшей (по архитектуре) станцией метро нашей советской эпохи». Одни колонны красного гранита со вставками из нержавейки как смотрятся[42]!

[42] Вставки сделал завод «Дирижаблестрой» на окраине подмосковного посёлка Долгопрудный: там были станки для изгибания металлических листов с одновременной гофрировкой, дабы придать листам жёсткость. В преддверии Второй Мировой войны во всём мире, включая СССР, дирижаблестроение заглохло: стало ясно, что не хватит времени усовершенствовать лёгкие гиганты настолько, чтобы они могли эффективно противостоять новому поколению истребителей. После войны – в 1948-м – громадные ангары использованы для размещения крупногабаритного экспериментального оборудования, необходимого свежесозданному физико-техническому факультету Московского государственного университета. От них и ведёт свою родословную легендарный Московский физико-технический институт.

А ведь на потолке ещё мозаики Александра Александровича Дейнеки – чертовски здорово сделано[43]! Не зря на Всемирной выставке 1939-го года в Нью-Йорке станция, представленная макетом и фотографиями, удостоена Гран-При по архитектуре. А глубина, недосягаемая для тогдашних и даже нынешних бомб, в сочетании с подземным простором позволила 1941–11–06 провести традиционное торжественное заседание руководства и общественных деятелей страны, посвящённое предстоявшей годовщине Октябрьской революции[44].

Наша одесская старая топонимика, когда переулок Маяковского был параллелен переулку Некрасова, тоже, тешим себя мыслью, порадовала бы поэта, который писал всё в том же «Юбилейном»:

А Некрасов
    Коля,
        сын покойного Алёши, —
он и в карты,
    он и в стих,
        и так
            неплох на вид.
Знаете его?
    вот он
        мужик хороший.
Этот
    нам компания —
        пускай стоит.

…Когда обсуждать творчество Маяковского стало наконец снова дозволено, образовалось два лагеря почитателей поэта. По мнению одних, Маяковский начинал неоспоримо гениально, но «продался большевикам» и закончился как поэт задолго до физической смерти. Таких, пожалуй, большинство – прежде всего потому, что само обсуждение возродилось в эпоху, когда большевизм был никак не в почёте. Даже неоднократно упомянутый Дмитрий Быков в своём фундаментальном труде «Тринадцатый апостол», при всём детальном и суперпрофессиональном анализе жизни и творчества Владимира Владимировича, отмечает, анализируя стихотворение «Спросили раз меня: Вы любители ли НЭП…», что строки:

Она[45] —
    из мухи делает слона
и после
    продаёт слоновую кость

можно отнести и к большинству послереволюционных поэм Маяковского.

Диаметрально противоположная позиция в книге Максима Карловича Кантора «Апостол революции» (и тут «Апостол» для обозначения Маяковского). По его мнению, практически

[43] В цикл «Сутки неба родины» вошли 35 картин. Увы, проектировщики по нехватке опыта не учли необходимость обустройства броневого щита на входном конце перрона: все станции метро в СССР и его наследниках могут использоваться ещё и как бомбогазоубежища. Чтобы освободить место для поворота щита, пришлось уже смонтированную мозаику «Знамя СССР» снять. При строительстве северного выхода, открытого в 2005-м, вторая мозаика «Знамя СССР» не пострадала.

[44] На следующий день – непосредственно к 24-летию революции – прошёл традиционный военный парад на Красной площади. Почти все участники прямо с парада отправились на фронт. Сейчас в Российской Федерации 7-го ноября проводится парад в ознаменование не самой революции, но парада 1941-го года: нынешние руководители очень боятся малейших намёков на возрождение социализма.

[45] Буржуазия.

всё, написанное поэтом до 1917-го года, осмысленно не больше, чем тост Шарикова в «Собачьем сердце» М. А. Булгакова: «Желаю, чтобы все!» И только революция, чьим апостолом Маяковский являлся, сделала его творчество великим. Эту позицию Максим Кантор детально обосновывает в 15 главах[46].

Впрочем, углубляться в такие сложные литературоведческие споры в ходе прогулки по переулку Маяковского не получится: переулок всего в один квартал. Точнее, по стороне, которая ближе к морю, формально кварталов два, но первый состоит из одного дома, примечательного тем, что именно на него упали первые бомбы в июле 1941-го. Но дом восстановили, чтобы сейчас подвергнуть радикальной перестройке[47].

Малая длина бывшего Малого переулка позволяет легко под-няться по нему к Преображенской улице и подойти к дому, где жил человек, без которого – и в этом сходятся оба лагеря почитателей Маяковского – поэт не состоялся бы в том виде, в каком мы его знаем (а многие – в том числе и авторы – любим). На доме № 9 по Преображенской улице недавно открыта мемориальная доска Давиду Давидовичу Бурлюку.

Как мы уже упоминали в ходе наших прогулок, Преображенская – граница сопряжения двух прямоугольных сеток улиц: сетка, дальняя от моря, сопрягается с сеткой, ближней к морю, под углом 45 градусов. В результате со стороны переулка Маяковского на перекрёстке обычные прямоугольные дома, а со стороны Елисаветинской улицы, продолжающей переулок, дом по нечётной стороне выходит с углом 45°, а дом по чётной стороне – с углом в 135°. Оба дома очень красивы. Со времени написания нашей книги «Прогулки по умным местам» детально описанный там «остроносый» дом полностью отреставрирован, что очень приятно.

Хорошо смотрится и четырёхэтажный «тупоносый дом» по Елисаветинской, № 18, с коронообразной башенкой на крыше и прекрасными балконами по оси здания.

Этот непрямоугольный перекрёсток, нечастый для Одессы, вдохновил прекрасного одесского художника Геннадия Георгиевича Верещагина на одну из первых его работ в сложнейшей технике цветного офорта. С удовольствием помещаем ссылку[48] на этот офорт, тем более что один экземпляр висит в нашей квартире на Нежинской улице.

Мы же идём к более скромному дому на Преображенской, № 9. В нём Бурлюк жил в 1910–1911-м годах, когда вторично обучался в Одесском художественном училище и наконец-то – в 29 лет! – закончил его. Начал он учиться живописи в Казани аж в 1899-м, потом переехал в Одессу[49], потом вернулся в Казань, далее изучал живопись в Мюнхене и в Париже, но диплом учителя рисования получил всё же в Одессе. Так долго сейчас готовят только врачей, да и то на Западе.

Про Одесское училище, чьё здание находится как раз напротив дома, где жил Бурлюк (точнее, конечно, наоборот: он жил напротив училища[50]), мы подробно писали во второй книге. Но заметим, что в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, куда он поступил сразу после Одессы, преподавал ему Пастернак, в своё время сам учившийся в Одессе.

Разные детали знакомства Бурлюка и Маяковского пропустим. Их Маяковский подробно описал в своей автобиографии. Главное, что из неё следует по рассматриваемой теме: русский футуризм начался 1912–02–24, когда после концерта Рахманинова, исполнявшего симфони-

---

[46] Максим Кантор. Медленные челюсти демократии. М.: Астрель, Жанры, АСТ, 2008 г. 496 с. ISBN 978–5-17–053109–7, 978–5-271–20636–8.

[47] Как мы неоднократно отмечали, основной камень домов исторического центра Одессы – рыхлый известняк (на «одесском» языке – ракушечник: он залегает у самой поверхности, поэтому столь мало спрессован пребыванием под землёй, что отчётливо видны отдельные раковины моллюсков – основной материал, формирующий все виды известняков, включая мрамор). Серьёзная перестройка возможна только с использованием «железных рёбер каркаса».

[48] http://vereschagin.org/indexr.php?id=6#10

[49] И вроде жил тогда там же, где десять лет спустя.

[50] Классический анекдот, утративший актуальность с возвратом в капитализм: «– Вы помните, что Рабинович не побоялся построить шикарный дом напротив тюрьмы? – Да, а что? – Так вот теперь он живёт напротив своего дома».

ческую поэму «Остров Мёртвых», Маяковский сразу начал читать Бурлюку свои стихи. И сразу Давид Давидович сказал Владимиру Владимировичу «Да это ж вы сами написали! Да вы же ж… гениальный поэт!».

Психологически история выглядит точно: совместные яркие впечатления (концерт Рахманинова для одних, катание на американских горках для других, совместный поход в горы для третьих) ускоряют сближение. Два «но»:

Реально Маяковский начал читать Бурлюку свои стихи только в сентябре 1912-го года[51].

Максим Кантор – прежде всего художник, а уж во вторую очередь писатель – просто беспощадно разбирает – именно как художник – стихотворение, якобы прочитанное Маяковским Бурлюку 24-го февраля:

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зелёный бросали горстями дукаты,
и чёрным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие жёлтые карты.

Позволим себе длинную цитату из его книги, показывающую, как много усилий и слов тратит Кантор, чтобы обосновать свой тезис о бессодержательности дореволюционного творчества Маяковского:

«Стихотворение «Ночь», которым открывается любое собрание сочинений, – вещь подражательная и пустая. Это стихотворение даже кажется не оригиналом, а переводом – например, с немецкого. Те строки, что любят цитировать, когда говорят о выразительности Маяковского («Багровый и белый отброшен и скомкан, в зелёный бросали горстями дукаты…») на самом деле исключительно невыразительны. Невыразительны они потому, что совершенно ничего не выражают. Обычно потребность в выразительных эпитетах появляется тогда, когда требуется привлечь внимание к тому, что может остаться незамеченным, когда нужно выявить предмет. Но в данном стихотворении смысл и предмет – отсутствуют. Стихи написаны о чём угодно – только не о России, не о Москве, не о взаправду увиденном. Странное дело: исключительно яркое по эпитетам стихотворение написано человеком, который словно не различает цветов, не видит действительности. Откуда бы в Москве тех лет взялись дукаты? Это что, такое образное переосмысливание бумажных керенок[52]? Что ещё за багровый и белый, где вы такие цвета в Москве найдёте? Москва – разная: серая, голубая, перламутровая, мутная, тусклая, но вот багровых цветов в сочетании с зелёным и белым – в ней не имеется[53]. Это какой-то злачный Берлин кисти Георга Гросса, а совсем не Москва»[54].

Но не важно, увидел ли Бурлюк своим глазом художника[55] несоответствия, описанные в вышеприведенной цитате из Кантора (или, возможно, ещё какие-то). Важнее то, что Бурлюк плотно взялся за Маяковского: заставлял его писать каждый день и ежедневно давать Бурлюку «отчёт о проделанной работе». Впрочем, внушить Маяковскому мысль, что он гений, было несложно: тот и сам это подозревал.

---

[51] Д. Быков. Маяковский. Трагедия-буфф в шести действиях. М.: Молодая гвардия, 2016, 720 с. ISBN 978–5-235–03887–5.

[52] «Какие керенки в 1913-м году?» – спросим мы в свою очередь у Кантора.

[53] Маяковский – тоже художник, но плакатист – вполне мог изображать основные цвета: багровый закат, белые облака в верхней части неба, золотистые (в ту пору лампы накаливания использовали не вольфрамовые нити, а потому работали при значительно меньшей, чем сейчас, температуре, и их свет был отчётливо жёлтым) уличные фонари на фоне зелёных древесных крон, светящиеся прямоугольники окон на чёрных стенах зданий. Но Кантор рассматривает мир глазом живописца и улавливает не столько цвета, сколько оттенки.

[54] Максим Кантор. «Апостол революции». Издательство АСТ, Астрель. 2008. ISBN: 9785170531097.

[55] Глазом – в буквальном смысле; с детства он был одноглазым в результате нелепого несчастного случая с игрушечной пушечкой.

После череды выступлений в Петербурге (порой ежедневных, всегда скандально-успешных) Маяковский «в составе партийно-правительственной делегации во главе с Бурлюком» 1913–12–14 года выезжает в мощное турне по югу России.

Это не был «провинциальный чёс», увы, регулярно встречающийся нынче – и не только в Одессе. Сейчас нужно внимательно изучать афиши, где большими буквами написано «ВЕНСКИЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР», а маленькими «имени Штрауса», что означает гастроли небольшого коллектива, а не знаменитого оркестра[56]. Или приезжает всеми до сих пор любимый «Оркестр Поля Мориа» во главе с его преемником – а с точки зрения юридической скорее самозванцем. Мы уж и не говорим о том, что помним времена, когда прекрасные московские театры приезжали на гастроли в Одессу в полном составе, с полным репертуаром, и выступали недели три при переполненных залах. Вот уж действительно: «Были времена, прошли былинные».

Футуристы же (Бурлюк, Каменский и Маяковский) работали от души. Дмитрий Быков пишет: «Это были великолепные четыре месяца. Может быть, лучшие в жизни Маяка. У него завелись деньги! Он начал писать лучшую свою вещь! Он изведал славу. И всё это сделал Бурлюк».

Поэтому мы, ценящие и любящие Маяковского, с благодарностью стоим у свежей мемориальной доски (открыта 2016–09–01), изображающей Давида Давидовича выразительно и ярко – не забыт даже знаменитый монокль в левом (незрячем) глазу[57].

Прежде чем вернуться к маршруту по следам Маяковского (нас ждёт ещё осмотр здания театра, где он выступал во время первого турне), пройдём ещё буквально 40 метров до улицы Софиевской. На стыке домов № 32 и № 34 висит мемориальная доска, информирующая: «В этом доме[58] в 1887 году жил болгарский народный писатель и поэт Иван Вазов». Так что в Одессе жил не только патриарх литературы на идише («дедушка» еврейской литературы) Шолем-Янкель Хаим-Мойшевич Абрамович (в его псевдониме – Менделе Мойхер-Сфорим – фамилия означает «книгоноша», бродячий книготорговец), но и патриарх болгарской литературы.

В полуквартале от этих домов, но на нечётной стороне, жил замечательный поэт и прозаик (в советское время издано 12 сборников его стихов и 5 книг в прозе) Юрий Николаевич Михайлик[59]. Родился он 1939–11–19 аж в Амурской области, но вырос в Одессе, окончил в

---

[56] Его концерт 1-го января в главном зале филармонии, транслируемый по всему миру (в РФ – телеканалом «Культура») – одно из любимых нами зрелищ.

[57] На некоторых фотографиях монокль у Бурлюка в правом глазу. Скорее всего, он пользовался стеклом с нулевой оптической силой: незрячему глазу коррекция не нужна. И с учётом его специфического чувства юмора весьма вероятно, что время от времени он зажимал монокль глазницей уцелевшего глаза: изображение не искажается, а собеседник, знающий об особенностях зрения Бурлюка, сбит с толку.

[58] Юмор в том, что краеведам не удалось установить, в каком именно из соседних домов жил писатель, так что табличку разместили на границе зданий. Тонкое решение вопроса.

[59] Отдалённый родственник писателя Юрия Петровича Михайлика (1903–03–17 – 1966–05–17), прославленного (под псевдонимом Юрий Дольд-Михайлик) романом «И один в поле воин» (1956), где едва ли не впервые в советской литературе выведен в качестве главного героя советский разведчик, заброшенный во время войны в Германию и до конца войны активно действующий там. В продолжении – романе «У чёрных рыцарей» (1964) – этот же герой продолжает работу уже среди недобитых немецких военных преступников, передающих богатый опыт новому поколению в разведшколе, оплачиваемой американцами. Другой персонаж романа – американский генерал Думбрайт – произносит монолог, послуживший впоследствии – после доработки в романе Анатолия Степановича Иванова «Вечный зов», где отредактированные фрагменты этого монолога вложены в уста бывшего полицейского следователя, а впоследствии антисоветского заговорщика и диверсанта Арнольда Михайловича Лахновского – основой текста, известного как «план Даллеса». Уже в нынешнем тысячелетии установлено, что план как единый документ никогда не существовал, но все ключевые положения его взяты из реальных директив Совета национальной безопасности Соединённых Государств Америки, разработанных на рубеже 1950–60-х годов и, как положено в СГА, рассекреченных через полвека. Скорее всего советская разведка ознакомилась с этими директивами сразу после их принятия, но не смогла опубликовать обычным образом, дабы при раскрытии агрессивных планов стратегического противника не раскрыть свои источники информации. Вероятно, суть директив довели до писателя, чей роман о разведке уже доказал его умение раскрывать соответствующую тематику в доходчивой форме, и он написал предостережение. Увы, оно

1961-м филологический факультет нашего университета, а потом и сам стал университетом: в 1964–1975-м руководил литературной студией Дворца студентов, в 1980-е – литературной студией «Круг». Среди его учеников – несколько десятков авторов, заметных даже в те годы, а уж на фоне полубогемной московской (не говоря уж о киевской) массовки заслуживающих по меньшей мере эпитета «великий». К сожалению, в 1993-м он уехал в Сидней. Перед отъездом Одесский областной совет по инициативе своего бывшего председателя, а в ту пору депутата Верховного совета Украины, Руслана Борисовича Боделана[60] наградил его официальной благодарностью за всю деятельность во благо Одессы. Один из авторов этой книги – Владимир – написал по этому поводу:

Трудно соблазн одолеть сбежать отсюда в Австралию.
Вот и Михайлик двинулся, вытянув в элипс «Круг».
Сам Боделан сказал, что сделал он очень правильно.
Лишь бы стихи и прозу читал он не кенгуру.

Другой автор – Анатолий – с самим Юрием Николаевичем общался в основном благодаря тому, что его дочь Елена была в числе сильнейших игроков одесского клуба «Эрудит». Команда с её участием не раз успешно выступала в телеигре «Брэйн-ринг» и была весьма заметна в спортивной версии «Что? Где? Когда?» Вдобавок Елена – блестящий знаток нескольких бурных эпох истории: её рассказы об этих эпохах члены клуба слушали, как говорится, с раскрытым ртом, да и в Интернете[61]

не сработало: действия, предусмотренные директивами и художественно описанные Михайликом и Ивановым, выполнены и дали намеченный результат.

[60] Замечательный пример бурной биографии смутного времени. Первый секретарь городского, а затем областного комитета коммунистической партии под конец её существования стал даже членом центрального комитета, а заодно председателем исполнительного комитета областного совета. Вскоре после распада СССР – в марте 1992-го – утратил этот пост, но уже в ноябре избран в Верховный совет уже независимой Украины. В 1995-м назначен главой Одесской областной государственной администрации. В 1998-м избран мэром Одессы. В апреле 2005-го – после того, что на Украине велено именовать Оранжевой революцией – против него возбудили уголовное дело, и он перебрался в другой портовый город России – стал заместителем начальника Санкт-Петербургского международного торгового порта. В 2010-м – после победы Виктора Фёдоровича Януковича на выборах президента Украины – вернулся в Одессу, но в 2014-м вновь уехал в РФ. Учитывая, что родился он 1942–04–04, его биография скорее всего пополнится ещё не одним резким поворотом.

[61] В основном – автор Antrekot на сайте https://wirade.ru/ – https://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=stories;action=viewprofile;username=Antrekot – и пользователь el_d Живого Журнала – http://el-d.livejournal.com/

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.